

Я. К. Грот

**Письма Ломоносова и
Сумарокова к И.И. Шувалову**

**Приложение к 1 тому Записок
Имп. академии наук №1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Я11

Я11 **Я. К. Грот**
Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову: Приложение к 1 тому
Записок Имп. академии наук №1 / Я. К. Грот – М.: Книга по Требованию,
2013. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-4416-5

Материалы для истории русского образования.

ISBN 978-5-4241-4416-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

біографовъ ихъ предполагать, что просвѣщенный вельможа покровительствовалъ одному Ломоносову.

Всѣхъ писемъ Сумарокова къ И. И. Шувалову въ доставленныхъ мнѣ тетрадяхъ двадцать одно: они относятся ко времени отъ 1757 до 1761 года и проникнуты тѣмъ-же саркастическимъ тономъ, раздражительнымъ самолюбіемъ и хвастовствомъ, какими дышитъ все, что ни выходило изъ-подъ пера Сумарокова. Почти всѣ писаны собственной его рукой, почеркомъ довольно четкимъ, хотя небрежнымъ и неопрятнымъ, съ сокращеніемъ словъ, помарками и вставками между строкъ. Видно, что онъ, по праву литературной знаменитости и нужнаго человѣка, позволялъ себѣ разныя вольности въ обращеніи съ меценатомъ, напр. начиналъ письма словами Милостивый Государь, безъ имени и отчества, и подписывался иногда только начальными буквами своего имени, а иногда и вовсе не подписывался ¹⁾. Нѣкоторыя письма испещрены дѣлыми рядами французскихъ строкъ, а три написаны, отъ начала до конца, исключительно по французски. Тѣ и другія доказываютъ, какъ плохо онъ владѣлъ этимъ языкомъ, на пристрастіе къ которому написалъ впоследствии сатиру, прочтенный можетъ-быть насмѣшками, какія долженъ былъ навлекать на себя своими дѣйствительно забавными промахами, напр. *je dois quitter ma quatrième* (квартиру), или: *la rivière est prête de chasser la glace*. Такіе варваризмы въ чужомъ языкѣ были бы очень простительны, еслибъ не соединялись съ охотою французить.

Шуваловъ доказалъ большую мягкость характера и снисходительность, продолжая такъ долго покровительствовать человѣку, который своимъ задорнымъ высокомеріемъ безпрестанно приходилъ въ непріятныя столкновенія съ другими. Въ запискѣ (№ 1, безъ года и числа) онъ оправдывается противъ чьего-то очень характеристическаго замѣчанія: «мы по волѣ Ея Величества ѣздимъ въ русскій театръ, а впрочемъ несносно терпѣть отъ Сумарокова» ²⁾. За то и ему случалось слышать такія любезности,

¹⁾ Ломоносовъ въ своихъ письмахъ къ Шувалову титуруетъ его съ 1760 года высокопревосходительнымъ, тогда какъ Сумароковъ всегда говорить ему: ваше превосходительство.

²⁾ Императрица Елизавета требовала, чтобъ всѣ придворные и вообще служащіе посѣщали театръ: должностныя лица обязывались подпискою быть на всѣхъ представленіяхъ, и однажды, когда на французскую комедію явилось мало зрителей, въ тотъ-же вечеръ были разосланы ѣздовые къ богѣе значи-

которыя порядочному челоуѣку переварить трудно, и однакожь Сумароковъ ихъ перевариваеъ. Такъ цѣлое 10-е письмо наполнено смѣшными выходками гнѣва и досады на то, что гр. Чернышевъ ¹⁾ во дворцѣ, у Шувалова, называеъ Сумарокова воровъ и грозилъ поколотить его. И въ чемъ же главная защита оскорбленнаго? «Я не графъ, а дворянинъ, я не камергеръ, однако офицеръ и служу безъ порока двадцать семь лѣтъ». «А что я стерпѣлъ», объясняетъ онъ въ концѣ письма, «тому причиною дворецъ и ваши комнаты... впрочемъ вѣрите, что Его Сіятельство графъ Чернышевъ можетъ меня убить до смерти, а не побить» и проч.

Всѣ письма Сумарокова наполнены жалобами на его несчастныя обстоятельства, почему онъ и въ подписи своей, называя себя покорнѣйшимъ слугою, иногда присоединяетъ къ тому еще и эпитетъ: *несчастнѣйшій* или *отчаянный*. Особенно недоволенъ онъ своимъ положеніемъ въ должности директора Русскаго театра со дня учрежденія его, 30 августа 1756 года: по этой должности онъ, сверхъ бригадирскаго оклада, раціонныхъ и деньщичьихъ денегъ, получалъ 1000 рублей жалованья въ годъ, но домогался 1200, тѣмъ болѣе что ему не шло квартирныхъ денегъ ²⁾. Высоко цѣня свою авторскую и директорскую дѣятельность, онъ говорилъ (№ 15): «мои упражненія ни со придворными, ни со штатскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ; и ради того я ни у кого не стою въ дорогѣ, а труды мои ни чьихъ не меньше, и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются». Поэтому онъ не могъ не чувствовать себя обиженнымъ, сравнивая свое жалованье съ тѣмъ, какое получали въ то же время бывшіе въ Петербургѣ иностранныя артисты. «Я», продолжалъ онъ, «Россіи по театру больше сдѣлалъ услуги нежели Французскіе актеры и Итальянскіе танцовщики, и меньше ихъ получаю ³⁾. Что беретъ одинъ Тордо съ женою! А в мои

тѣльнымъ людямъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за неприѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафа. Донесеніе Функа въ 1754 г. Hergmann, Gesch. d. russ. Staat. V, 197.

¹⁾ Конечно, Иванъ Григорьевичъ, потому что графъ Захаръ Григорьевичъ въ то время участвовалъ въ семилѣтней войнѣ. Не въ литературномъ ли воровствѣ графъ Чернышевъ упрекалъ Сумарокова?

²⁾ Поля. Собр. Зак. XIV, № 10, 599.

³⁾ Досада Сумарокова на такую несправедливость вылилась и въ эпиграммѣ, напечатанной въ Трудолубивой Пчелѣ:

Танцовщикъ ты богатъ, профессоръ ты убогъ;
Конечно голова въ почтеньи меньше ногъ.

жена служила ¹⁾). Гельфердингъ ²⁾) сверхъ большаго жалованья отъ двора и квартеру и экипажъ имѣеть; не покупая ни дровъ ни овса и сѣна, и не имѣя ни дѣтей ни жены, съ довольствомъ пользуется службою своею», и т. д.

Еще до учрежденія Русскаго театра Сумароковъ, какъ видно, завѣдывалъ не только самими Русскими представленіями, но и всею хозяйственною ихъ частію: это можно заключить изъ его требованія, чтобы ему уплаченъ были всѣ издержанныя имъ «по точному повелѣнію» деньги, и изъ жалобы, что Василій Ивановичъ Чулковъ не платитъ ему этой суммы, составлявшей около 400 р. Въ іюлѣ 1757 г. (№ 12, ср. 8) онъ проситъ Шувалова доложить о томъ Императрицѣ, приводя, что въ семь лѣтъ ³⁾) подалъ Чулкову болѣе сорока счетовъ, но только рѣдко получалъ отъ него отвѣтъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Сумароковъ сокрушается, что седьмой мѣсяць ему не выдаютъ жалованья, въ которомъ заключается почти весь его доходъ. Вѣроятно, Шуваловъ не оставилъ этихъ просьбъ безъ вниманія; но и его старанія не помогли: черезъ два мѣсяца Сумароковъ обратился уже прямо къ Императрицѣ съ прошеніемъ, недавно напечатаннымъ ⁴⁾). Надо думать, что это прошеніе имѣло успѣхъ, потому что послѣ того Сумароковъ уже не упоминаетъ о слѣдующихъ ему 400 руб.

Жалованье производилось ему изъ суммы въ 5000 рублей, которая была назначена вообще на содержаніе Русскаго театра и должна была отпускаться, по особому въ началѣ каждаго года указу, изъ штатсъ-конторы. Изъ этой-же суммы шло жалованье актерамъ и эконому; два опредѣленные при театрѣ кописта содержались чуть-ли не изъ того-же источника. Съ 1757 года Сумарокову разрѣшено было, въ дополненіе къ этой, слишкомъ незначительной суммѣ, собирать въ пользу актеровъ деньги, платимыя публикою за представленія; но и этотъ доходъ оказывался

¹⁾ Тогда, вѣроятно, еще жива была первая жена Сумарокова, Юанна Христіановна, пріѣхавшая изъ Германіи, въ качествѣ камеръ-юнгферы, съ великой княжной Екатериной Алексѣевной.

²⁾ Балетмейстеръ Вѣнскаго двора, пріѣхавшій въ Петербургъ около этого времени. Сокращ. извѣстія Штелина о русскихъ танцахъ и проч. въ СПб. Вѣстникѣ 1779, Окт., стр. 252.

³⁾ т. е. съ 1750 г., когда Русскія представленія изъ кадетскаго корпуса были перенесены во дворецъ. Основаніе Русскаго театра, соч. Карабанова СПб., 1849.

⁴⁾ Библіограф. Записки 1861, № 17.

недостаточнымъ: въ четыре слишкомъ мѣсяца собрано было менѣе 500 рублей, тогда какъ на костюмы, съ учрежденія театра, истрчено болѣе 2000 (№ 3). Актеры забирали впередъ часть назначеннаго имъ жалованья и не возвращали этихъ денегъ (№ 6). По этому поводу между ними и Сумароковымъ происходили ссоры, и они при всякомъ неудовольствіи грозили отойти; новыхъ же актеровъ, по его словамъ, не возможно было принскать безъ указу. Уже въ апрѣлѣ 1757 года онъ писалъ (№ 3): «лѣто настаетъ, а деньги въ театральной казнѣ исчезаютъ».

Собираніе платы съ представленій для раздачи актерамъ предоставлено было самому директору; но это тяготило его не только потому, что отнимало у него много времени, мѣшая заниматься должностію и писать для театра, но и потому, что онъ находилъ это унизительнымъ для дворянскаго званія и бригадирскаго чина, а притомъ считалъ себя неспособнымъ къ такой должности, сознавая, что онъ «и о своихъ собственныхъ приходахъ и расходахъ большаго попеченія, а паче любя стихотворство и театръ, не имѣеть» (№ 5). Выставляя, что онъ «не антрепенеръ, дворянинъ и офицеръ и стихотворецъ сверхъ того», онъ проситъ за себя и за всѣхъ комедіантовъ исходатайствовать у Императрицы, чтобы этотъ сборъ былъ отмѣненъ и чтобы вмѣсто того увеличено было жалованье какъ актерамъ, такъ и самому директору; установленный же сборъ, по его словамъ, не только не приноситъ прибыли, но не возвращаетъ и пятой доли издержанныхъ денегъ, а иногда и день не окупается. «Три представленія», писалъ онъ въ маѣ 1758 года (№ 8), «не только не окупились, но еще и убытокъ театру принесли».

Большое затрудненіе составлялъ недостатокъ костюмовъ, продолжавшійся не смотря на то, что на этотъ предметъ издержано было въ полтора года, какъ мы видѣли, до 2000 руб. Въ 1757 году по этой причинѣ не было Русскихъ представленій на масляницѣ (№ 3); еще и въ февралѣ слѣдующаго года представленіе какой-то оперы остановилось за тѣмъ, что для восьми пѣвцовъ не было платья: chose très petite, mais très nécessaire, замѣчалъ Сумарковъ. Въ маѣ 1758 (№ 9) онъ извѣщаетъ Шувалова, что въ четвергъ представленія не будетъ, потому что «у Трувора платья нѣтъ никакого».

Для Русскихъ представленій не было особаго театра. Сначала для нихъ назначенъ былъ на Васильевскомъ острову Голованскій

каменный домъ (на мѣстѣ нынѣшней Академіи Художествъ) ¹⁾, гдѣ отведены были и квартиры актерамъ. Но уже въ 1757 году найдено было неудобнымъ давать тамъ представленія, вѣроятно, по отдаленности мѣста отъ болѣе населенныхъ частей города, и Русскіе актеры стали играть тамъ-же, гдѣ играли иностранныя труппы.

Тогда были въ Петербургѣ двѣ такія труппы. Французская пріѣхала въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, изъ Касселя. Съ директоромъ ея Сереньи заключенъ былъ контрактъ, по которому она получала 25,000 руб. въ годъ, и дворъ снабжалъ ее музыкантами, декораціями и свѣчами; одни костюмы оставались на собственномъ ея попеченіи. Она играла на придворномъ театрѣ, сперва въ бывшемъ манежѣ герцога Курляндскаго, во Флигелѣ зимняго дворца; потомъ, когда это помѣщеніе оказалось слишкомъ тѣснымъ, — въ другомъ манежѣ, близъ Казанской церкви, и наконецъ, послѣ пожара, уничтожившаго это строеніе въ 1749 году, — во вновь построенномъ деревянномъ театрѣ у лѣтняго дворца при каналѣ (впослѣдствіи домъ Косиковскаго, нынѣ Елисеѣва).

Другая труппа, Италіанская, съ директоромъ Локателли, состояла изъ сюжетовъ для оперы буффы и для балета, и явилась въ Петербургѣ въ 1757 году. Ей отведенъ былъ для представленій старый придворный театръ близъ лѣтняго сада. Здѣсь давались оперы и балеты, стоявшіе наряду съ лучшими, какіе тогда можно было видѣть даже въ Парижѣ и Италіи. Въ первый годъ Императрица подарила Локателли 5000 руб.; за входъ бралъ онъ съ человѣка по рублю; абонируемая ложа стояла до 300 руб. въ годъ. Богатые люди на собственный счетъ обивали свои ложи шелковыми матеріями и убирали ихъ зеркалами. Двѣ лучшія танцовщицы, Сакки и Белюцци, раздѣляли предпочтеніе публики и произвели между зрителями двѣ партіи. Тогда хлопали такъ усердно, что однѣхъ рукъ на это недоставало и многіе привозили въ театръ на помощь имъ двѣ деревянные дощечки, связанныя лентами; на нихъ написано было имя одной изъ любимыхъ актрисъ ²⁾.

¹⁾ Въ указѣ сказано только, что этотъ домъ находился близъ кадетскаго корпуса; но г. Карабановъ, въ своемъ «Основаніи Русскаго театра», указываетъ именно на мѣсто, гдѣ нынѣ Академія Художествъ, и это подтверждается жалобой Сумарокова на то, что этотъ домъ впослѣдствіи отнимали у театра для Академіи. Самъ онъ нанималъ себѣ квартиру по близости (№ 17).

²⁾ Названная статья Штелина и его-же Краткое извѣстіе о театральныя въ Россіи представленія въ СПб. Вѣстникъ 1779, авг. и сент.

Актеры Сумарокова играли то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты своими труппами, обыкновенно по четвергамъ. Странно, что по праздникамъ не было спектакля. 2-го января 1758 (№ 5) Сумароковъ писалъ: «нѣсколько праздниковъ было по четвергамъ, и для того я въ тѣ дни играть не могъ, а нынѣ на которомъ театрѣ мнѣ играть, я не вѣдаю: тамъ Локателли, а здѣсь Французы, а я, не имѣя особливаго театра, не могу назначить дня безъ сношенія съ ними, да имъ иногда знать нельзя; что мнѣ въ такомъ обстоятельствѣ дѣлать?» Это затрудненіе еще увеличивалось тѣмъ, что для каждаго представленія нужно было особое разрѣшеніе гофмаршала, а это разрѣшеніе часто приходило только наканунѣ, уже послѣ полудня. Вѣстѣ съ тѣмъ иногда присылалось увѣдомленіе, что музыки отъ двора не будетъ, потому что музыканты наканунѣ играли въ маскарадѣ и устали. Тогда Сумароковъ долженъ былъ самъ прискивать другихъ музыкантовъ и, разумѣется, находилъ срокъ для приготовленія спектакля слишкомъ короткимъ: «я все бы исправилъ», пишетъ онъ Шувалову 20 мая 1758 г. (№ 8), «ежели бы была возможность, а сегодня послѣ обѣда зачавъ, до завтра я не знаю какъ передѣлать». Любопытно дальѣ исчисленіе всего, что еще остается сдѣлать, именно: 1) нанять музыкантовъ; 2) покупать и разливать воскъ ¹⁾; 3) дѣлать публикаціи по всѣмъ вѣдомствамъ; 4) дѣлать репетицію; 5) посылать за фигурантами; 6) посылать къ машинисту; 7) дѣлать распоряженія о раздачѣ мѣстъ въ театрѣ; 8) посылать за карауломъ.

Жалобы на недостатокъ времени для приготовленій къ представленіямъ повторялись очень часто въ письмахъ Сумарокова къ Шувалову, и онъ съ искреннимъ отчаяніемъ описывалъ всѣ неудобства своего положенія, хлопоты и тревога; «отъ начала театра», говорилъ онъ въ маѣ 1759, «ни одного представленія еще не было, которое бы миновалось безъ превеликихъ трудностей, не приносящихъ никому плода, кромѣ приключаемыхъ мнѣ мученій и превеликихъ замѣпательствъ». При этомъ онъ намекаетъ на козни какихъ-то враговъ Русскаго театра и даетъ почувствовать, что было бы гораздо лучше, еслибъ исполнили поданный имъ проектъ учрежденія театра. Въ чемъ состоялъ этотъ проектъ, мы не

¹⁾ Нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ Сумароковъ напоминалъ, что употреблять на театрѣ сальные свѣчи и плошки ему не позволено, а восковая иллюминація обходится ему слишкомъ дорого.

знаемъ, но по выраженію: «сто бы разъ лучше было, еслибъ однажды всему театру положено было основаніе», можно заключить, что Сумароковъ предлагалъ дать Русскому театру совершенно отдѣльное, самостоятельное существованье, такъ чтобъ онъ имѣлъ свой собственный оркестръ, костюмы и всѣ другія принадлежности отъ казны, а также и особое зданіе для русскихъ представленій, въ которомъ могли бы помѣщаться и всѣ лица, принадлежащія къ управленію театра, и самая труппа.

На обязанности директора лежало не только управлять театромъ, но имѣть и ставить пьесы своего сочиненія, а эти два дѣла не возможно было соединить съ успѣхомъ. Сумароковъ понималъ это и сѣтовалъ, что хлопоты по театру отнимали у него все время, лишали его спокойствія и «поэтическихъ мыслей», истощали его силы. «Удивительно ли будетъ ваше превосходительство», писалъ онъ однажды (№ 3), «что я отъ моихъ горестей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются?»

Независть Сумарокова къ подъячимъ находила пищу и при театрѣ. Подъячіе, жаловался онъ, пользуются прибылью, которая слѣдуетъ труппѣ, «собирая за мои трагедіи по два рубля и по рублю съ человѣка, а я сижу не имѣя платя актерамъ, будто-бы театра не было». По своему управленію онъ не имѣлъ иныхъ помощниковъ, кромѣ двухъ копистовъ. Жалуясь, что не кого разсылать наканунѣ представленій, онъ говорилъ (№ 8): «они копевсты, они разсылщики, они портіеры» ¹⁾. Къ этимъ-то двумъ лицамъ конечно относится статья Сумарокова *О копистахъ*, напечатанная имъ въ Трудолюбивой Пчелѣ и въ которой онъ между

---

¹⁾ Какъ звали этихъ двухъ копистовъ, неизвѣстно. По указу объ учрежденіи Русскаго театра, для надзора за домою опредѣленъ былъ изъ копистовъ лейбъ-компанинъ, съ пожалованіемъ въ подпоручики и съ содержаніемъ по 250 р. въ годъ, какой-то Алексѣй Дьяконовъ. Это-то лицо мы позволили себѣ выше назвать экономомъ. Нельзя предполагать, чтобъ Дьяконовъ и при театрѣ исполнялъ должность писца, потому что онъ, какъ подпоручикъ, не могъ лишиться шпаги, чему подверглись кописты Сумарокова. Не былъ ли однимъ изъ этихъ театральныхъ писцовъ Аблесимовъ, который съ молодю былъ принятъ въ домъ Сумарокова и, по словарию митрополита Евгенія, служилъ при немъ въ лейбъ-компанской канцеляріи? Къ сожалѣнію, и единственная болѣе подробная статья объ Аблесимовѣ (статья Макарова, въ Репертуарѣ русск. театра, 1841 г.) не даетъ намъ возможности рѣшить этотъ вопросъ положительно. Впрочемъ Сумароковъ вездѣ говоритъ о своихъ копистахъ какъ о людяхъ малограмотныхъ, нуждающихся въ его руководствѣ.

прочимъ помѣстилъ слѣдующій скромный отзывъ о самомъ себѣ: «Что только видѣли Аэины и видятъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются, в нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далѣ еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися; но скажу словами апостола Павла: Дадесея мнѣ пакостникъ ангелъ сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ: да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подъязычскій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подъязычаго и самаго скареднаго крючкотворца».

Но кого же Сумароковъ разумѣетъ здѣсь подъ этимъ подъязычимъ, который, какъ онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, претворился въ клопа, «всползъ на Геликонъ, ввернулся подъ одежду Мельпомены и грызетъ прекрасное тѣло ея?» Далѣе видно, что этотъ *подъязычій*, съ 6 янв. 1759, «отправляя при Русскомъ театрѣ прокурорскую должность», обязанъ былъ наблюдать за правильнымъ ходомъ всего учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься цензурою пьесъ, и что онъ отнялъ у театральныхъ копистовъ право носить шпаги, которыми они отличались отъ всѣхъ другихъ приказныхъ служителей. Это распоряженіе Сумароковъ принялъ за личное себѣ оскорбленіе и самъ сознается, въ той-же статьѣ, что «оное ему смертно досадно» было. Онъ предсказываетъ, что вслѣдствіе такой обиды, ужъ никто не пойдетъ по стопамъ его или, по крайней мѣрѣ, никто не захочетъ списывать его сочиненія. «Ежели», продолжаетъ онъ, «и сіе ободреніе отнять у обучаемыхъ отъ меня людей, такъ никогда путнаго кописта я не увижу; ибо всякій писецъ лучше захочетъ быть безграмотнымъ регистраторомъ и грабить, нежели обучаться правописанію и таскаться безъ шпаги» и проч. Въ своемъ озлобленіи Сумароковъ поклялся, что пока это опре-

дѣленіе не отмѣнится, онъ «больше ничего драматическаго писать не станетъ».

Письма Сумарокова позволяютъ намъ съ нѣкоторою достовѣрностію догадываться, противъ кого были направлены эти выходки. Статья о копистахъ была напечатана въ декабрѣ 1759 г.; къ сожалѣнію, за весь этотъ годъ вовсе не сохранилось писемъ Сумарокова къ Шувалову; въ слѣдующемъ году также нѣтъ писемъ до декабря; но въ этомъ мѣсяцѣ Сумароковъ пишетъ (№ 16): «при театрѣ я больше подъ гофмаршаломъ ради десяти тысячъ жалованья быть нехочу... ибо нападенія его несносны мнѣ стали, и сдѣлать при немъ театру добраго ничего нельзя... Помилуйте меня и освободите отъ графа Сиверса и проч.» Эти жалобы повторяются и въ 1761 году. Онѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на статьи Сумарокова: *Сонъ и Блужд.*, напечатанныя въ журналѣ «Праздное время» въ 1760 году. Тутъ подъ иноплеменниками онъ разумѣетъ конечно не однихъ академиковъ, но и врага своего по театру, графа Сиверса¹⁾. Жалуясь на него, Сумароковъ проситъ защиты Шувалова, говоря, что гофмаршалъ его всякую минуту мучитъ и выживаетъ изъ театра.

Если предположить, что въ журнальной статьѣ Сумароковъ не могъ позволить себѣ такихъ рѣзкихъ выходокъ противъ лица, занимавшаго высокое мѣсто при дворѣ, то можно принять, что онѣ относились еще прямѣе къ какому-нибудь служившему при Сиверсѣ чиновнику, имѣвшему сильное на него вліяніе. Эта догадка подтверждается замѣчаніемъ въ одномъ изъ послѣднихъ его писемъ, что Сиверсъ самъ «о немногомъ по театру знаетъ, а правятъ театромъ подъячіе». Притомъ нѣсколькими годами позже, въ своихъ замѣткахъ *о путешествіяхъ* (т. IX, стр. 331), онъ жалуется, что здоровье его, за труды по театру, совсѣмъ испорчено «священной римской имперіи графомъ К. Е. С.²⁾ и его сіятельства регистраторомъ». Но главнымъ виновникомъ своихъ непріятностей по этой службѣ Сумароковъ все-таки считалъ самого Сиверса и черезъ много лѣтъ еще помнилъ ихъ живо. Изъ записокъ Порошина (стр. 5) мы знаемъ, что обѣдая разъ въ концѣ 1764 г. у молодого великаго князя, Сумароковъ очень забавлялъ его разска-

¹⁾ Во второй изъ названныхъ статей являются между прочимъ *финскія или чужонскія блужд.* Эта острота объясняется тѣмъ, что гр. Сиверсъ родился въ Финляндіи. Смотри ниже очеркъ его біографіи.

²⁾ Карломъ Евимовичемъ Сиверсомъ.

зомъ «о бывшихъ своихъ побранкахъ съ оберъ-маршаломъ Сиверсомъ».

До начала 1761 года Сумароковъ жилъ на Васильевскомъ островѣ близъ дома Головкина, гдѣ помѣщались актеры; но теперь этотъ домъ понадобился Шувалову для Академіи Художествъ, и такъ какъ жительство актеровъ на островѣ представляло большое неудобство (святіе моста два раза въ годъ прерывало представленія), то стали прискивать для труппы другую квартиру на той сторонѣ Невы. Сумароковъ предвидѣлъ, что вслѣдъ за актерами и ему придется переѣхать въ такую часть города, гдѣ квартиры гораздо дороже, и потому сталъ хлопотать, чтобы ему дали помѣщеніе въ одномъ домѣ съ актерами. Кажется, Сумароковъ чѣмъ-то навлекъ на себя неудовольствіе Сиверса и долженъ былъ писать ему оправдательное письмо, но отговаривался недосугомъ и нездоровьемъ. Къ этимъ-то обстоятельствамъ относится все 17 письмо (26 февраля 1761 года). Здѣсь онъ опять намекаетъ на какихъ-то подъячихъ, замаравшихъ его, и объявляетъ, что въ угодность имъ не хочетъ покинуть театра. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова проситъ не давать графу Сиверсу мучить его и доказываетъ, что не прилично удалить его отъ театра безъ всякаго основанія и безъ указа, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что онъ вовсе не желаетъ оставаться при театрѣ: «я объ этомъ больше не пекуся, мнѣ все равно, когда мои старанія такое воздаяніе заслужили».

12 марта (№ 20) онъ уже пишетъ, что если онъ заслужилъ быть отрѣшеннымъ отъ театра, то проситъ, чтобы это сдѣлалось безотлагательно, но подать просьбу о своемъ увольненіи не соглашается. Волкова думали назначить директоромъ на его мѣсто, а Сумарокову предлагали остаться при театрѣ въ качествѣ драматическаго писателя, т. е. поставщика пьесъ. Отсюда же видно, что Сиверсъ удалялъ его за какую-то вину: кажется, на честность Сумарокова была наброшена тѣнь врагами его, чиновниками Сиверса. Сумароковъ при этомъ повторяетъ клятву, что онъ больше не будетъ писать для театра, «а если буду сочинять, скажите всему свѣту, что я, какъ безчестный человѣкъ, преступилъ мою клятву». Но перспектива отставки и нужды заставляютъ Сумарокова вдругъ измѣнить свой тонъ въ отношеніи къ Сиверсу: отличая его отъ людей, которые старались ихъ посорить, Сумароковъ изъявляетъ готовность просить прощенія у Сиверса. «А его сіятельство умилюстивляти мнѣ не стыдно и злобы въ моемъ сердцѣ противъ его особы нѣтъ, и ежели столько же въ